

Э.Э. Ухтомский

**О состоянии миссионерского
вопроса в Забайкалье**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Э1

Э1 **Э.Э. Ухтомский**
О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье / Э.Э. Ухтомский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 48 с.

ISBN 978-5-458-08025-5

О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье, в связи с причинами,
обуславливающими малоуспешность христианской проповеди среди бурят.

ISBN 978-5-458-08025-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ству: придуть къ новокрещенному и если узнають, что былъ покойникъ и погребенъ безъ священника, или младенецъ не крещенъ, привязываются, зачѣмъ долго не крещенъ, зачѣмъ безъ священника погребенъ? тогда какъ священникъ, по отдаленности, только въ нѣсколько лѣтъ разъ можетъ пріѣхать; точно также и вѣнчаться въ церковь ѣздить не могутъ, вѣнчаются по домамъ, а это служить главнымъ источникомъ взяточничества, привязываются, кричатъ о поруганіи вѣры, и, если кто не откупится, долженъ ѣхать отъ 300 до 400 верстъ. Священникъ пріѣзжаетъ исповѣдывать: отецъ духовный по инородчески, сынъ духовный по русски ни слова не знаютъ; одна только пожива священникамъ. *Этотъ безпорядокъ можетъ быть пресѣченъ только опредѣленіемъ въ сибирскую митрополію человека, который бы могъ въ эти дѣла благоразумно вникать*, и хотя крещеніе инородцевъ должно продолжать, однако въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ по близости церкви есть, и учредить школы для образованія священниковъ изъ инородцевъ, а *въ отдаленныхъ мѣстахъ проповѣдь и крещеніе до времени оставить*» *).

Вслѣдствіе этого донесенія составлена была коммиссія изъ новгородскаго митрополита Димитрія, псковскаго епископа Иннокентія и другихъ; они подали докладъ: смѣнить тобольскаго митрополита Павла какъ за нерадѣніе, такъ и по другимъ жалобамъ; избрать новаго лучшаго и дать ему отъ Синода инструкцію относительно проповѣди: 1) Слово Божіе

*) Совершенно такого же мнѣнія г. пріамурскій генералъ-губернаторъ, говоря, что умноженіе числа крещенныхъ инородцевъ должно производиться разумнымъ путемъ, а не кое-какъ,— идя впередъ радіусами отъ какого-нибудь твердо обоснованнаго религіознаго центра, а не случайно проникая въ глушь къ непонимающимъ даже русской рѣчи полудикарямъ.

должно быть проповѣдуемо, не отягощая разума обращенныхъ. 2) Три обязанности проповѣдника: учить, увѣщевать, напоминать; повелѣніе, угроза и строгое съ утѣсненіемъ взысканіе есть *насиліе совѣсти и злочестіе*. 3) Не должно давать воли проповѣдникамъ ѣздить, куда захотятъ. Архіерей выбираетъ проповѣдниковъ благонравныхъ, особенно некорыстолюбивыхъ, трезвыхъ, разумныхъ и кроткихъ, и распредѣляетъ время и мѣста, когда и куда имъ отправляться. *Начинать должно съ ближнихъ къ городу мѣстъ, дабы мало-по-малу вѣра расширялась*. Новообращенныхъ не принуждать къ такимъ преданіямъ церковнымъ, которыя могутъ быть неудобноносимы для непривычныхъ; проповѣдники должны отдавать отчетъ архіерею. 4) *Проповѣдникъ долженъ имѣть видъ чловѣка не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго*. Проповѣдники не должны ничего брать, кромѣ пищи повседневной, и за ту платить. 5) Если проповѣдникъ языка инородческаго не разумѣетъ, то долженъ употреблять толмача; а впредь принимать изъ обращенныхъ въ семинаріи съ тѣмъ, чтобы они никогда своего языка не забывали, или лучше—завести обученіе инородческимъ языкамъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около столѣтія, но порядокъ вещей во многомъ еще напоминаетъ старину.

Состоявшійся въ 1885 г. иркутскій съѣздъ сибирскихъ архіереевъ, для выясненія духовныхъ нуждъ народонаселенія, подвинулъ впередъ мысль о необходимости реформы въ области религіознаго устройства ламаитовъ на окраинѣ. Присутствовавшіе на засѣданіяхъ означеннаго съѣзда мѣстные администраторы (всеѣ, кромѣ двухъ новоприбывшихъ, графа Игнатъева и вице-губернатора Петрова) представляли возраженія главному начальнику миссіи среди бурятъ, высокопреосвященному Веніамину, и его викаріямъ,

лишь только заходила рѣчь о принудительномъ крещеніи, по примѣру временъ Владиміра Равноапостольнаго,—рядомъ съ этимъ указывалось на неудовлетворительный составъ миссіонеровъ, приводились осязательные факты неумѣстности и зловредности ихъ поведенія,—т. е., иначе сказать, всплывалъ на поверхность стародавній неоднократно затронутый вопросъ. Сравнительно недавно (еще въ 1865 г.), г. обер-прокуроръ Святѣйшаго Синода частнымъ образомъ получилъ найденное мною въ синодальномъ архивѣ извѣстіе изъ Иркутска, что мѣстный архіепископъ преувеличиваетъ число обращаемыхъ, а миссіонеры грубы, пьяны, невѣжественны, жгутъ и оскорбляютъ предметы бурятскаго культа. Года четыре спустя Восточную Сибирь посѣтилъ Перфильевъ, и напечаталъ затѣмъ лѣтомъ 1871 г. свои, обличающія миссію, воспоминанія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Положимъ, изъ-за Байкала пришли тамъ же помѣщенные опроверженія, положимъ, возбужденные разоблаченіями толки улеглись и заглохли; но тѣмъ не менѣе въ 1872 г. особенно радѣвшій объ интересахъ православія—гроза ламъ и бурятъ—генераль-губернаторъ Синельниковъ въ письмѣ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву сообщаетъ: «успѣху обращенія въ христіанство вредитъ недостатокъ въ способныхъ и соотвѣствующихъ званію миссіонерахъ, чему даже были прямыя доказательства въ моемъ присутствіи, о чемъ я объяснялъ и мѣстному архіерею». Въ 1877 г., уступая просьбамъ начальника миссіи, иркутскія власти командировали въ Забайкалье тамошняго уроженца, столоначальника Главнаго Управленія Восточной Сибири Александра Гантимурова, для раскрытія ламскихъ беззаконій. Онъ ѣздилъ и дѣйствовалъ по собственноручно составленнымъ инструкціямъ преосвященнаго Мартиніана Селенгинскаго, представилъ рапортъ,

на который миссіонеры до сихъ поръ ссылаются, такъ какъ тамъ обнаружено въ общихъ чертахъ, въ чемъ именно ламы допускаютъ злоупотребленія, но въ концѣ своего отчета (отъ 30 Сентября 1877 г. за № 8) Гантимуровъ осудилъ самихъ проповѣдниковъ, оже-сточающихъ противъ себя инородцевъ-язычниковъ.

«Христіанское Чтеніе» за 1884 г. приняло тща-тельно написанные очерки Сумарокова о сибирскомъ миссіонерствѣ, гдѣ въ № 9—10 онъ заключаетъ: «не-пригодность до сихъ поръ практикуемаго набора не-подготовленныхъ миссіонеровъ становится очевидною, равно какъ столь же очевидною является и необхо-димость болѣе правильной подготовки миссіонеровъ къ ихъ великой и трудной дѣятельности».

Профессоръ Остроумовъ справедливо замѣчаетъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (за 1886 г.): «мы твердо держимся убѣжденія, что незнакомые съ буд-дѣйскимъ ученіемъ не могутъ проповѣдывать ламаи-тамъ истины Христовой,—точно также какъ не мо-жетъ неграмотный человѣкъ обучать другихъ гра-мотѣ». Идеаль православнаго миссіонера—покойный митрополитъ Иннокентій—всюду, гдѣ только ему при-ходилось проявлять свое животворное воздѣйствіе на сердца язычниковъ, прежде всего вникалъ въ условія инородческаго быта, учился говорить по туземному, старался понять, что составляетъ основу чуждаго намъ міровоззрѣнія. Лишь тогда святитель считалъ своевременнымъ осторожно обращаться съ проповѣдью къ невѣрующимъ.

Въ письмѣ своемъ г. оберъ-прокурору Святѣй-шаго Синода отъ 9 Декабря 1885 г. за № 3903, г. пріамурскій генераль-губернаторъ сообщалъ, что миссіонерское дѣло въ Забайкальѣ поставлено плохо, составъ проповѣдующихъ крайне неудовлетворителенъ, и нѣкоторыхъ (*какъ ему лично извѣстно изъ произво-*

димыхъ слѣдствій) только священническій санъ спасаетъ отъ уголовного наказанія.

Принимая откочевавшіе изъ Монголіи роды, окольный Головинъ въ 1689 г. ручался имъ, что принудительнаго крещенія не будетъ—этимъ непремѣннымъ условіемъ дорожили новоприбывавшіе, потому что въ числѣ ихъ уже были *ширетыи* (начальствующие старшіе ламы), тогда какъ мѣстные инородцы еще шаманствовали и потому не возбуждали вопроса о сохраненіи вѣры. Но буддизмъ сразу потребовалъ неприкосновенности и, получивъ свободу дѣйствовать, началъ успѣшную проповѣдь, значеніе которой слишкомъ поздно уяснилось высшему правительству. Вначалѣ еще можно было соперничать въ этомъ отношеніи съ ламами, которые далеко не сразу подчинили себѣ нравственно двѣсти тысячъ инородцевъ, но въ данную минуту споръ возникаетъ между двумя широко раскинувшимися мірами—міромъ новозавѣтнымъ, пока еще поддерживаемымъ исключительно дѣйствіями Благодати Господней, и міромъ демоническимъ, призрачнымъ, но черпающимъ силы для борьбы изъ нашего же собственнаго нечестія и неустроенія.

Первые ревнители буддизма за Байкаломъ явились среди инородцевъ въ качествѣ болѣе или менѣе искусныхъ врачей. Слава эта издавна присуща была ламству. Оно безвозмездно стало лѣчить неимущихъ, помогать народу изъ своихъ передвижныхъ аптекъ, учить желающихъ собиранію полезныхъ травъ. Тутъ не мѣсто высказывать доводы за буддійскую медицину. Достаточно замѣтить, что оріенталисты довольно благосклонно смотрятъ на ея практическіе результаты, а за помощью къ ней обращаются какъ язычники, такъ и православные. Восточно-сибирская миссія неоднократно просила возбранить ламамъ лѣ-

ченіе, основанное будто бы исключительно на ворожбѣ и шарлатанствѣ, развивающее суевѣрные предразсудки инородцевъ и въ концѣ концовъ стремящееся разорить народъ. Между тѣмъ, сами преосвященные не разъ пользовались бурятскими снадобьями, миссіонеры сами мнѣ говорили, что и себя и семьи свои поддерживаютъ при болѣзни, благодаря полезнымъ указаніямъ буддійскихъ врачей, а—что еще страннѣе всего—на страницахъ печатныхъ «Трудовъ миссіи» легко найти слѣдующія выраженія: «среди крестившихся въ нынѣшнемъ году находились ламы, которые отлично знали тибетскую медицину и потому могли намъ оказать важную помощь своими свѣдѣніями при воздѣйствіи на язычниковъ». Если уже ученость плохихъ заштатныхъ духовныхъ (изъ другихъ никто не крестится) кажется миссіи весьма цѣнною, то обвиненіе во вредѣ, направленное противъ дацанскихъ аптекъ и лучшихъ цѣлителей, перестаетъ быть вѣскимъ и свидѣтельствуеть лишь объ уклоненіи писавшихъ отъ правды.

Кромѣ искусства врачеванія, очевидно, и другія причины вліяли на обращеніе инородцевъ къ буддизму, ученіе котораго въ высшей степени гармонировало съ настроеніемъ кочевниковъ, среди безмолвныхъ и угрюмыхъ степей. Знойно южный колоритъ индійскихъ, пересаженныхъ на новую почву сказаній, недостижимая высь догматической премудрости язычества, оставляющей многое скрытымъ отъ толпы, ключъ отъ сокровеннѣйшаго во вселенной, будто бы хранящійся жрецами, однозвучность и скорбность повседневнаго быта,—все словно стоворилось опутать бурятъ сѣтями ламаизма, преграждая пока успѣхи христіанской проповѣди.

Въ царствованіе Екатерины II обучавшійся въ Тибетѣ бурятскій хамба Цзаягійнъ вызванъ былъ въ

столицу и обласканъ Монархиней. Когда онъ вернулся, преисполненный горделивой радости, инородческое Забайкалье думало, будто Ея Величество велѣла главному ламѣ распространять тамъ буддійскую вѣру. Это служило смертнымъ приговоромъ для упорнаго еще тогда шаманства,—тѣмъ болѣе, что, *по странному совпаденію* обстоятельствъ, какъ разъ одновременно (въ 1764 г.) Высочайшій указъ лишилъ православные монастыри земель, угодій и вотчинъ, а наступившее затѣмъ обѣднѣніе христіанскихъ проповѣдниковъ ослабило ихъ связь съ тяготѣющими къ благотворителямъ инородцами. Постепенно и составъ миссіонеровъ ухудшился, и они стали малочисленнѣе. Бороться и побѣждать въ дѣлахъ вѣры роковымъ образомъ призвано было стойкое и разнороднымъ оружіемъ пользовавшееся ламство. Какъ быстро оно умѣло обращать туземцевъ, когда дѣятельно бралось за это, доказывается многочисленными примѣрами. Изъ нихъ я сошлюсь на два наиболѣе замѣчательныхъ. Инородцы баргузинскаго вѣдомства, лишь въ 1829 г. построившіе себѣ дацанъ и до того почти незнакомые съ буддизмомъ, въ исходѣ 30-хъ годовъ насчитывали уже по 1 ламѣ на 14 мужчинъ. Въ короткій промежутокъ времени индійско-тибетская религія радикально пересоздала тысячи шаманствующихъ,— и это именно тогда, когда въ Забайкальѣ усердно трудились богатые знаніемъ и матеріальными средствами энергичные англійскіе миссіонеры, когда Сперанскій, ревизуя Восточную Сибирь, проектировалъ способы обращенія язычниковъ. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, насколько баргузинское вѣдомство лежитъ въ глуши, насколько оно отчуждено отъ прочихъ инородцевъ дебрями и горами, насколько, наконецъ, оно отдалено отъ Монголіи. На одномъ уже этомъ примѣрѣ убѣждаешься въ громадной силѣ ламской пропаганды.

Полвѣка тому назадъ въ агинскомъ вѣдомствѣ (за Читой) на 65 бурятъ приходилось всего по ламѣ,—нынѣ же оно важнѣйшій очагъ ламаизма. Множество буддѣйскихъ духовныхъ успѣшно ходитъ съ проповѣдью по иркутской губерніи и по всему Забайкалью. По словамъ миссіонеровъ, крещенные инородцы нерѣдко поддаются соблазну отпадать отъ православія и воспитывать потомство свое совершенно внѣ христіанства. У младенцевъ ихъ на люлькахъ часто висятъ ламайскіе талисманы, въ жилищахъ хранятся ламайскіе идолы, и т. д. Шаманствующие буряты оттого еще склонны симпатизировать буддизму, что онъ позволяетъ имъ оставаться бурятами, и не обусловливаетъ,—какъ православіе,—сліянія и отождествленія съ русскою народностью. Хотя миссія иногда и упрекаетъ ламаитовъ въ присущемъ будто бы имъ фанатизмѣ, но, сколько мнѣ лично извѣстно и какъ наглядно видно по нѣкоторымъ даннымъ этнографическо-историческаго характера, у буддистовъ рѣже, чѣмъ у кого-либо иного, можно подмѣтить именно эту черту.

Когда въ Пекинъ ходили караванами православныя миссіи, буряты (и въ томъ числѣ ламы) снаряжали ихъ у Бяхты, жертвуя верблюдовъ, лошадей и скотъ. По тому, какъ ламаиты отнеслись къ переводу евангелія на монгольскій языкъ при генераль-губернаторѣ Сперанскомъ, всего лучше видно ничуть не фанатичное настроеніе инородцевъ. Въ первые годы своего существованія, русское библейское общество, пользуясь особеннымъ расположеніемъ Императора Александра I и находясь подъ непосредственнымъ руководствомъ и покровительствомъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына, стремилось распространить свою дѣятельность на отдаленнѣйшія части Имперіи.

Въ 1815 г., листъ евангелія отъ Матѳея, переведенный на калмыцкій языкъ, былъ посланъ къ хоринскому тайшѣ Голсонову. Онъ отвѣчалъ, что монгольскій и калмыцкій языки различны, и потому нельзя «исправно» читать этотъ листъ; но если его перевести на монгольскій языкъ, то буряты могли бы читать «*съ величайшимъ удовольствіемъ*». Князь Голицынъ обратился къ Голсонову съ вопросомъ, не возмется ли кто-нибудь перевести, если не весь Новый Завѣтъ, то по крайней мѣрѣ которое-нибудь евангеліе, чтобы переводъ этотъ можно было напечатать. Для предполагаемой работы избраны были зайсаны Нолто Унагаевъ и Бадма Маршунаевъ. Они не знали русскаго языка, и потому для словеснаго перевода данъ имъ толмачъ Василій Татауровъ. Эти три лица отправились въ Петербургъ въ Декабрѣ 1817 г. На переводъ евангелія на бурятскій языкъ и изданіе этого перевода хоринцы добровольно пожертвовали *11.480 руб.* Унагаевъ вскорѣ возвратился на родину. Для перевода Новаго Завѣта остался въ Петербургѣ только Маршунаевъ, или, какъ его запросто называли даже въ официальныхъ бумагахъ, Бадма. Это былъ молодой еще инородецъ, отлично знавшій и монгольскую и тибетскую литературу, такъ что помощь его весьма полезна оказалась ориенталисту Шмидту.

Въ концѣ Сентября 1820 г., Сперанскій получилъ Шмидтовъ переводъ евангелія на монголо-бурятскій языкъ и разослалъ его къ англійскимъ миссіонерамъ, тайшамъ и бандидо-ламѣ. «Надѣюсь, писалъ онъ Голицыну, что онъ и самъ будетъ читать, и другимъ сообщать. *Люди сіи, вообще говоря, не имѣютъ ни фанатизма, ни упрямства въ своихъ мнѣніяхъ*, и, кажется, скорѣе другихъ могутъ придти къ истинѣ».

Бадмѣ не удалось принять участіе въ обращеніи бурятъ въ христіанство. Въ 1822 г. онъ умеръ въ Петербур-

гѣ, предварительно крестившись. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы посвятившіе себя великой миссіонерской задачѣ постепенно привлекали на свою сторону людей, вродѣ Маршунаева, православіе имѣло бы теперь гораздо болѣе творческой силы и нравственнаго значенія.

«Труды православныхъ миссій Восточной Сибири» за послѣднія 25 лѣтъ вмѣщаютъ не мало цѣнныхъ данныхъ о томъ, съ какими искренними религіозными чувствами буряты-язычники относятся къ христіанскимъ святынямъ. Наряду съ поражающимъ индифферентизмомъ большинства сибиряковъ-русскихъ (на что съ горечью указываютъ сами преосвященные), усердіе и благоговѣйное настроеніе смежныхъ съ ними инородцевъ восхваляется нашими же духовными. И шаманствующие, и ламаиты не прочь ходить въ церкви, ставить свѣчи, поклоняться иконамъ, заказывать для нихъ оклады, носить при крестныхъ ходахъ хоругви,—но переимѣнить вѣры они не хотятъ, потому что и старая имъ нравится. Тутъ происходитъ психологически весьма любопытное смѣшеніе понятій. Миссіонерскія церкви отчасти построены на средства окружающихъ язычниковъ. Одинъ иркутскій некрещеный тайша Матхановъ въ 70-хъ годахъ сдѣлался членомъ учрежденнаго въ Восточной Сибири отдѣленія миссіонерскаго общества и собралъ много денегъ на содержаніе проповѣдниковъ съ подвѣдомственныхъ ему инородцевъ. Родной братъ теперешняго хамбы Гомбоевъ, будучи ламаитомъ (впослѣдствіи онъ окрестился), на свой счетъ соорудилъ храмъ при селенгинской степной думѣ и долгое время поддерживалъ его, — что нисколько не повредило хорошимъ отношеніямъ между братьями. У здѣшняго доктора Бадмаева вся родня на родинѣ состоитъ изъ буддистовъ, вполне къ нему расположенныхъ. Когда только-что названная церковь при думѣ недавно обветшала, миссіонеръ—отецъ Павелъ Казанцевъ